

Станция Бякино 6: Жадины, Карщик и Серые маски

Юрий Выборнов

18+

Юрий Выборнов

**Станция Бякино 6: Жадины,
Карщик и Серые маски**

«Автор»

2026

Выборнов Ю.

Станция Бякино 6: Жадины, Карщик и Серые маски /
Ю. Выборнов — «Автор», 2026

Заражённые меняются... Одни двигаются бесшумно, будто растворяясь в тенях, другие собираются в стаи, действуя с пугающей согласованностью. Но страшнее мертвецов — люди, для которых слово «совесть» стало роскошью. Здесь предаются ради банки консервов, лгут, чтобы не сойти с ума, и учатся не слышать крики за стеной. Прямое продолжение истории о выживших в маленькой железнодорожной станции.

© Выборнов Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юрий Выборнов

Станция Бякино 6: Жадины, Карщик и Серые маски

Глава 1

Смотритель станции стоял на бетонном перроне. Перед ним от железной дороги до самого леса виднелись холмики новых и старых могил. Сколько людей здесь захоронено, никто уже не считал. Станция Бякино навсегда стала для них кирпичным памятником и вечным домом. Мужчина грустно смотрел на кладбище и мелкими глотками отхлебывал из эмалированной кружки горячую воду. Поднялся сильный ветер, и железная дверь станции, громко хлопнув, резко закрылась. Из станции выбежала женщина с растрёпанными светлыми волосами и позвала смотрителя внутрь.

— Идем за стол, Боря, сейчас польёт как из ведра. Смотри, тучи какие... Я такие только в кино видела... Чернущие такие, с белыми прожилками, да и ветер недуром разгулялся.

— И всё же здесь чего-то не хватает, — задумчиво произнес Борис Валентинович, словно не слыша Надежду. — Вот только понять не могу, что. Каждый раз смотрю на эти захоронения и не могу понять. Пустота какая-то возникает на душе, что ли?

Волосы женщины развивались на ветру, она прищурила глаза и, держа двумя руками подол платья, подошла к бродяге ближе.

— Пойдем, а? — повторила Надя, не расслышав слова Бориса.

— Понимаешь, его тут нет, — повернул голову Борис. — Мы с Антоном закопали всех зомби, лежащих на станции и поблизости. Сережи среди них нет... Маша нашлась... Помидор на месте... И даже Настя с мальчиками.

— Не хватает его могилы? — Надя повисла на руке мужчины.

— Верно, именно так, не хватает, — Борис Валентинович внезапно повеселел и, приобняв Надю свободной рукой, развернулся к станции. — Теперь всё встало на свои места. Хотя нет, теперь загадок только прибавилось.

Вокруг быстро потемнело, засверкали молнии и послышались раскаты грома. Косой сильный дождь крупными каплями шлёпал по сухой земле, встав сплошной стеной, из-за которой не видно было даже леса. Ливень смыл следы мёртвой плоти с бетонных плит перрона, с кирпичных стен станции и с железной простреленной насквозь входной двери, будто сама природа решила помочь и навести здесь чистоту и порядок.

Бродяги вновь потянулись вдоль железной дороги, челноки тащили свои неподъёмные рюкзаки, а курьеры быстрым шагом, почти бегом несли секретную информацию от станции к станции.

Новый смотритель привёл убежище в порядок. Очистил от тел и отмыл от гниющих останков, источающих ужасные запахи и вызывающие почти у каждого бродяги рвотные рефлексy. Полы и стены Надя вымыла с хлоркой и мыльным порошком из бани в лагере. Вместе установили стол и лавки по центру зала ожидания и постелили подаренную кем-то из бродяг почти новую клеёнку, которую те поначалу хотели использовать как самодельный плащ от дождя. Подняли перевернутую печку-буржуйку и подвинули к ней любимое старое кресло. Скамьи возле стен сильно не пострадали, их пришлось немного подвинуть и убрать сломанную секцию.

Кровать переставили ближе к печи, к самому окну. Вернее сказать, никакого окна теперь нет. Борис Валентинович долго ломал голову, как вернуть назад вырванную железную решётку и заколотить заново окно. Идея пришла сама собой. Был бы спрос, а предложение не заставит себя ждать. Один из челноков подсказал и сам же подрядился достать материалы. Оконный проём попросту решили заложить старым битым кирпичом, предварительно выведя железную трубу от печки наружу. Челнок притащил его вместе с двумя подрядившимися бродягами со станции Стромино и даже цемент умудрился достать. За что и был отблагодарен, как и ранее договаривались, автоматными патронами и тремя банками тушёнки в нагрузку. Мужичок поначалу кривлялся и хватался за поясницу, набивая себе цену, но новый смотритель доходчиво объяснил, что тушёнка была и так бонусом помимо оговорённой платы. Челнок расстроился и начал жаловаться, будто осознал, что с ценой промахнулся, лишь когда приподнял от земли цемент. Пришлось нанять двоих мужичков, и с ними придётся делиться. Чуть позже, выпив предложенный сладкий чай вприкуску с черствым пряником, челнок подобрел и понял, что дело общее, нужное и благое. Успокоился и даже помог заложить оконный проём. Сильно понравились ему слова Бориса Валентиновича «Бесплатный», «Безопасный» и «Ночлег».

Маленькое окошко всё же оставили, размером с три кирпича. Борис Валентинович сказал это для того, чтобы здороваться за руку со знакомыми бродягами, не выходя из помещения, но его шутку никто, кроме Нади, не оценил. После назвал получившееся окошко продухом и сослался на отсутствие вентиляции на станции. Дескать, печка топится постоянно и порой не одна, свежий воздух должен как-то поступать в убежище, дабы не угореть. В первую же ночь Борис заткнул продух старой рваной курткой. Ему постоянно казалось, что в него кто-то смотрит из темноты перрона, а наутро и вовсе доложил еще два кирпича, оставив лишь небольшой приток воздуха. Окно в каморке тоже решили в будущем заложить, но теперь челнок не стал называть цену сразу и, раз нет никакой спешки, то и срок не стал назначать.

Простреленную и расщепленную фанеру на двери заменили. Антон принес из лагеря инструмент, весь день выпиливал новую обшивку по размеру и размечал отверстия под винты. Ещё одно отверстие просверлили аккуратно напротив пулевого пробития на уровне глаз. Железо тоже рассверлили и вкрутили самый настоящий дверной глазок. Он валялся в бардачке самосвала среди прочих, казалось бы, ненужных вещей.

Посмотрев в глазок в первый раз, Борис Валентинович был просто в восторге и испытал чувство гордости за себя и за Антона Лопатина. Похлопал друга по плечу и предложил остаться в этот день ночевать на станции, слегка улыбнувшись и сделав пару щелчков указательным пальцем по своей шее. Лопата намёк понял и с радостью согласился.

— Втыкай лопату подальше, — попросила Алёна свою новую подружку. — Ты очень близко копаешь, так можно порезать картошку. Борис Валентинович сказал, нам каждый клубень важен.

Пчелка ничего не ответила, шмыгнула носиком и воткнула лопату чуть в стороне. Алёна взялась одной рукой за повядшую ботву, приподняла над землей и потрясла. Собрала всю картошку и сложила в сторонке в общую кучку. После погрузила обе руки в рыхлую землю и, немного пошарив, нашла еще две.

— Сколько ни ищи, всё равно что-нибудь пропустим, — сказала Пчелка. — Вот увидишь, весной будем копать и обязательно найдем.

— Можно и осенью перекопать, — Алёна схватила следующую плеть. — Я слышала, под зиму тоже копают, вот только не знаю зачем. Может, чтобы весной было полегче? Смотри, какая крупная попалась.

Девушки выкопали еще несколько плетей и присели на бревна возле крыльца дома.

— Ты больше какую любишь? — Алёна зажмурила глаза и представила себя на кухне своего дома перед тарелкой жареной картошки. — Варёную или жареную? Скорей бы попро-

бовать, да? Я больше жареную уважаю, такую, знаешь, с хрустящей корочкой. С малосольным огурчиком... Эх...

Пчелка без лишних эмоций ответила:

— Мне, Алёна, безразлично, какая. Я всякую люблю. Любая, хоть бы и без масла и без соли. Лишь бы была... Я готова ее есть даже сырой. В любом случае это решать не нам. Мужчины придут, всё пересчитают, отложат, какую надо на посадку, и всё скажут. Наше дело — выкопать до их прихода.

Алёна посмотрела на грустное лицо подружки и тихо спросила:

— Ты, часом, не заболела? Видок у тебя неважнецкий.

Поздний вечер. Станция Бякино.

Борис Валентинович сидел в своем любимом кресле перед жаркой печкой в закатанных до колен штанах. Голые ступни ног он держал в горячей воде в красном пластиковом тазу. Надежда время от времени подходила и аккуратно по стеночке таза подливала кипяток из железного ковшика. Рядом возле печи на кровати расположился на ночлег Антон Лопатин. Он сидел на ватном матрасе и смотрел на лицо друга, в котором отражался свет от огня из приоткрытой дверцы топки. Между бродягами стоял старый, на вид самодельный табурет, по глубоким трещинам и сколам на ножках которого было отчетливо видно, что его красили несколько раз толстым слоем, не жалея разного цвета краски. На табурете постелена газета, а сверху стоял найденный в зале ожидания, переживший зомби-стадо круглый будильник, эмалированная железная кружка и открытая банка мясных консерв с воткнутой сверху вилкой.

— Не жалко газету? — Антон сделал глоток из кружки и уткнулся сморщенным лицом в сгиб левой руки. — Ты вроде бережёшь всё, что можно почитать.

Борис Валентинович нагнулся, достал в потемках из-под табурета стеклянную бутылку, открутил крышечку и налил из нее в кружку.

— Ты ешь, давай, чего рукавом занюхиваешь? — Борис Валентинович убрал бутылку обратно в темноту и опрокинул содержимое кружки залпом. — В ней нет никакой ценной информации. Обычная жёлтая газетёнка с выдуманными новостями. Ешь, ешь, бери вилку.

— Не могу я так, братка, — ответил Антон, почесал затылок и тихим голосом добавил: — Они смотрят на меня.

— Кто? — удивился Борис Валентинович.

— Как кто? Бродяги, конечно. Голодные же все, сидят и смотрят из темноты зала, как мы с тобой тут тушенку жрем. Прямо в рот смотрят, я это чувствую. Может, в твою коморку пойдем?

— В коморку не вариант. Надя уже ко сну готовится, она сегодня много веток принесла из леса и даже попилить немного успела.

Борис поболтал в тазу ногами, снял через тряпку ковшик с печи и сам добавил горячей воды.

— Что-то ноги стали болеть, — прокряхтел смотритель станции. — И ведь не хожу уже никуда, а всё равно к концу дня ломит. Стареют, что ли?

Антон Лопатин громко рассмеялся и, вспомнив про отдыхающих на дальних скамьях бродяг, резко перестал.

— Мы с тобой еще, братка, молодым фору дадим. Сколько их молодых-то полегло от этого вируса? А нас с тобой ничего не берет. Никакой заразе мы не по зубам. Вот и стадо это мы пережили. Не послушала нас молодёжь, и где они сейчас? Эх... Давай помянем, братка.

Антон встал с кровати с кружкой в руках и, помолчав несколько секунд, допил то, что в ней оставалось.

— А знаешь, братка, — повеселел Антон. — Я, пожалуй, съем. Нам это добро не с неба упало. Ресурсы мы не украли и ни у кого не отняли. Они нам достались потом и кровью. Жиз-

нюю своей рисковали, можно сказать, а эти чем рискуют? Почему мне должно быть стыдно есть честно заработанную еду? Вот скажи мне, Борис? Я за эту банку жратвы чуть дуба не дал, когда мертвяки через это окно лезли.

Антон Лопатин развернулся и хотел показать на окно позади себя, но, увидев в полутьме голые кирпичи, опомнился.

— Потому что ты хороший человек, — добрым голосом ответил Борис Валентинович. — Тебе вовсе не стыдно, а просто их жаль. Да-да, тебе их жалко. Ты прекрасно понимаешь, что не можешь накормить всех голодных, и именно от этого тебе не по себе. У Серёжи тоже были такие мысли, он в себе это как-то переборол и кормил бесплатно только тех, кто действительно не мог сам себе добывать пищу, и только той едой, что оставляли выжившие бродяги. Разные крупы там, макароны и тому подобное. Старики и дети... После прохода стада их очень мало выжило. Кстати, ради них он и остался на этой станции.

Мужчины сделали ещё по одному глотку. Борис Валентинович взял со спинки кресла чистое полотенце, вынул распаренную ногу из воды, согнул в колене, положил ее на другую ногу и принялся тщательно вытирать.

— Ну а вы как? — неожиданно задал вопрос смотритель станции.

— Да ничего, обжились потихоньку, — растерянно ответил Антон.

— Я не про это, — улыбнулся Борис Валентинович. — Свою историю тебе рассказал, а что произошло с вами? Как пережили стадо? С Пчелкой ведь тогда наотрез отказались сворачивать с железной дороги и идти с нами. Очень интересно послушать.

— Уверен? — Антон взбил пуховую подушку двумя руками, приставил к стене и откинулся назад на нее так, что тело его лежало поперек кровати, а ноги в тяжелых ботинках стояли на бетонном полу.

— Нам ведь не на работу завтра, — засмеялся Борис Валентинович. — Вся ночь впереди.

Слева кто-то быстро прошёл и упёрся в закрытую входную дверь.

— Куда прешь? — не специально грубо спросил смотритель, скорей так получилось от неожиданности. — Дверь уже заперта.

— Ну мне очень надо, — волнительно произнёс незнакомый бродяга. — Вопрос крайней важности. При дамах неудобно в ведро.

Борис Валентинович посмотрел на круглый будильник на табурете и, погладив небритую щеку, уже по-доброму ответил:

— У тебя на всё про всё двенадцать минут. В полночь дверь будет заперта до шести утра, и если не успеешь, будешь спать на перроне. Комендантский час для всех.

— Когда мотодрезина заглохла и больше не заводилась, мы с Пчёлкой пошли дальше вдоль рельс, — начал свой рассказ Антон Лопатин, сложив руки на животе. — Хорошо, что дождь кончился, ну это ты и сам знаешь.

До Гыркино рукой подать, и мы решили, чтобы не произошло, добраться до нее и уже там как-то спрятаться от приближающегося стада зомби. Мертвецы часто останавливались, к ним присоединялись другие зомби, а некоторые, наоборот, отделялись от общей массы и уходили в сторону от рельс. Как выяснилось потом, происходило это не в случайных местах, а именно там, где неподалеку были поселения с живыми людьми. Чували их что ли, непонятно... На таком расстоянии разве возможно? Хотя сейчас уже ничему не приходится удивляться. Если бы я еще четыре года назад рассказал кому про зомби-апокалипсис, все решили бы, что я насмотрелся фильмов, и просто посмеялись. Я и сам бы посмеялся... Чего уж там говорить.

Среди выживших бродяг ходили слухи и частые предположения, будто на станцию Гыркино напали и захватили бандиты. Связь с ней была потеряна, и радио давно не работало. Но ведь вот какая еще штука, братка, вперед нас ведь ушли бродяги из городских группировок.

Среди них не все отмороженные, были и вполне себе вменяемые и адекватные люди. В общем, шанс был, и я посчитал это место лучше, чем тот дремучий лес, куда ты нас звал.

На перроне и у входа на станцию никого не было. Дырявые от пуль мешки с песком, темно-бурые высохшие пятна возле двери, много стреляных гильз разного калибра и гнетущая тишина. Эх... Знал бы тогда, как будет, ни за что не постучал бы в ту дверь. Убежище заперто изнутри, и не спрашивай, кто там был. Я не знаю, честно не знаю. Постучали раза три, никто не открывал, а потом изнутри послышался мужской голос. Нам велели повернуться, положить оружие и встать к входу спиной. Что мы и сделали... Потом дверь со скрипом открылась, и нас вырубили.

Очнулись там же, но чуть в стороне возле стеночки. Нас аккуратненько так положили. Голова у обоих раскалывалась, и у напарницы сочилась кровь с затылка, рюкзак мой полностью выпотрошенный валялся рядом. Что удивительно, ни мой дробовик, ни обрез Пчелки не тронули. Патроны только забрали, но магазины оставили заряженные. Стучать в дверь еще раз мне перехотелось. Вспомнили про зомби и дали дёру дальше по рельсам.

Километров через пять наткнулись на железнодорожный переезд. Всё как положено: неработающий автоматический шлагбаум и разбитые переездные светофоры. Узкая извилистая сельская дорога уходила в обе стороны и пропадала за поворотом из-за деревьев метров через сорок. Я понятия не имел, куда она вела, но четко понимал одно: раз на станции укрыться не удалось, с железнодорожного пути нужно уходить. Тем более что в какую сторону идти, долго нам выбирать не пришлось. Из леса к нам вышел мужичок, с первого взгляда придурковатый, но другого все равно поблизости не было.

Антон приподнялся и, склонившись, стал развязывать шнурки своих кожаных ботинок с высоким берцем.

— Давно бы снял, — сказал Борис Валентинович. — Целый день такие таскать нам уже тяжело. Надел бы кроссовки какие, если нет, могу подарить. У тебя ведь сорок третий? Или сорок второй размер?

— С моей косолапостью их на неделю хватит, — махнул рукой Антон. — Нет ничего лучше старых добрых берцев.

Борис Валентинович сунул свои ноги в домашние мягкие тапочки, приподнялся и отставил таз с водой в сторону от кресла.

— Ну и чего там, говоришь, мужичок встретился? И чего, и чего? Ужасно интересно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.